

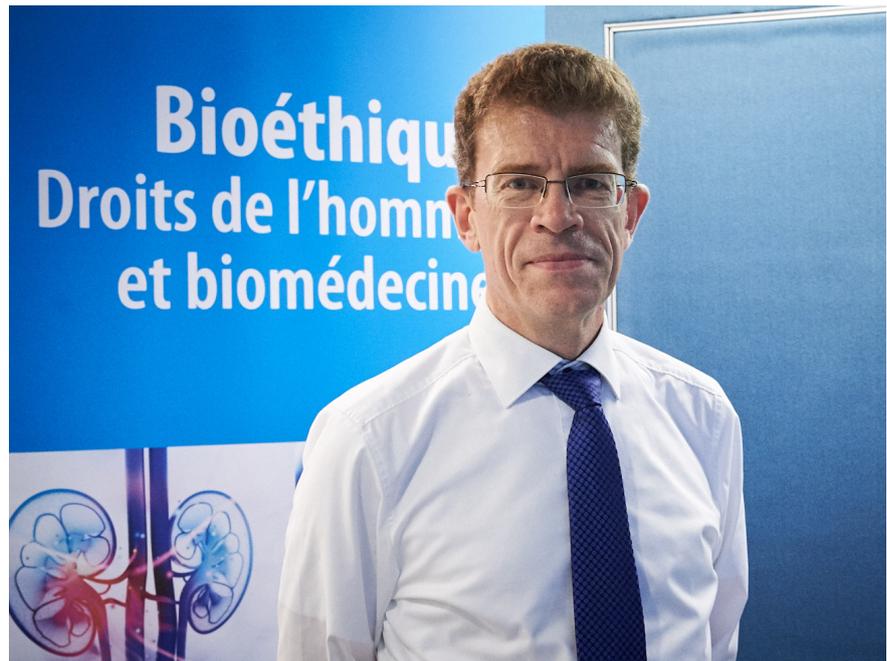
Нужно стремиться к единству этических и юридических позиций по такому важному вопросу, как биомедицина

В рамках конференции доктор Ханс Беренс, возглавляющий отдел IVC1 Федерального министерства юстиции и защиты прав потребителей (Германия), представитель Федеративной Республики Германии в Европейском Суде по правам человека, поделился своим мнением о том, как действует в обществе Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины, заключенная в г. Овьедо 4 апреля 1997 года.

Можно ли выделить в практике Европейского Суда по правам человека какие-то основные тенденции, связанные с биоэтикой?

Дела, затрагивающие вопросы биоэтики, рассматриваются Европейским Судом уже не один год, и, пожалуй, здесь действительно можно заметить две основные тенденции. Во-первых, это рост важности, актуальности выносимых Судом решений для общества, а во-вторых, увеличение количества таких дел. В последнем легко убедиться, ознакомившись с отчетом Европейского Суда за 2016 год, в котором значится 125 дел такой категории, причем одно из них датировано 2000 годом (я имею в виду начало его рассмотрения), что вполне укладывается в рамки действия самой Конвенции.

Наверное, самым распространенным примером, который вспоминается, как только речь заходит о правах человека в области биомедицины, являются дела, связанные с вопросами суррогатного материнства. Они затрагивают аспекты и коммерческого характера, и эти-

ческого — не во всех странах такая технология допустима. В результате на рассмотрение Европейского Суда поступают дела, в которых требуется разрешить правовую коллизию в отношении ребенка, появившегося на свет благодаря суррогатному материнству у родителей, в стране пребывания которых такой способ рождения детей запрещен. С подобными вопросами юрисдикционного характера может столкнуться любое государство.

Можно ли сказать, что в последние годы позиция Европейского Суда по поводу семьи, семейной и частной жизни изменилась, что не в последнюю очередь связано с биотехнологиями?

И частная, и семейная жизнь защищаются одной и той же ст. 8 Конвенции о защите прав человека и

основных свобод. Если обратиться к приведенному мной примеру о трудностях регистрации ребенка, рожденного методом суррогатного материнства, в стране, где для этого отсутствуют правовые возможности, то следует говорить о защите прав самих детей, а не о семейной жизни в целом или правах родителей. Родители как раз самостоятельно приняли решение обойти национальные законы и отправиться в то государство, которое разрешает использование суррогатного материнства. При этом уже родившийся ребенок имеет право на жизнь в семье и остальные сопутствующие его положению и возрасту социальные права, что относится к сфере частной жизни.

Как, на Ваш взгляд, будет развиваться юридическая терминология в связи с развитием медицинских технологий? Появятся

ли какие-нибудь универсальные термины?

Профессор Ш. Джазанофф провела исследования среди многих государств — тех, которые уже подписали Конвенцию Овьедо, и тех, кто еще на пути к этому. Безусловно, национальное законодательство очень разнится от страны к стране, и подход к вопросам биоэтики, например, в Соединенных Штатах Америки совершенно иной, чем в Европе. Но крайне сложно (и вряд ли возможно) дать однозначную оценку даже этой инаковости, а что уж говорить про азиатские страны, такие как Китай или Япония? Поэтому я не думаю, что глобальное, общее регулирование находится в центре внимания международной общественности в настоящий момент. Но это не значит, что нам не надо стремиться к единству этических и юридических позиций по такому важному вопросу, как биомедицина. В конце концов, залог счастливого развития человеческой жизни в целом видится именно в таком единстве.

Как Вы считаете, должно ли государство играть патерналистскую роль в поисках баланса между достижениями медицинских технологий и вопросами этики?

Это сложный вопрос. Трудно рассуждать о патерналистском подходе государства, зная, что Конвенция Овьедо предоставляет странам-участницам довольно широкую степень усмотрения при установлении национального законодательства в сфере биоэтики, причем на каждом этапе принятия тех или иных решений. Одно это говорит об отсутствии предпосылок для использования жестких императивных норм.

Точно так же достаточно широким усмотрением наделены национальные комитеты и клинические комитеты по этике. По моим наблюдениям, Европейский Суд неохотно вмешивается в данные вопросы, считая их сферой усмотрения государства. В итоге большинство нарушений, которые находит Суд в соответствующих делах, являются процедурными, т.е. обусловленны-

ми тем, что в процессе разрешения спора с биомедицинским аспектом были неправильно применены те или иные национальные нормы.

Много ли вопросов возникает в европейской судебной практике по информированному согласию?

Да, таких дел очень много. Но, хотя они регулярно поступают на рассмотрение Европейского Суда, я бы не сказал, что они идут валом или что был какой-то одномоментный всплеск. Полагаю, это связано с тем, что основная их часть разрешается на внутригосударственном уровне, потому что европейские страны в большинстве своем уже достаточно хорошо урегулировали эти вопросы в национальном законодательстве. Так что, когда подобные дела все же доходят до Страсбурга, вернее до Европейского Суда, они не влияют существенным образом на уже сложившиеся стандарты разрешения дел, связанных с особенностями получения или неполучения информированного согласия, — наоборот, подчиняются этим стандартам.

А как, на Ваш взгляд, биомедицина будет влиять на права человека в целом?

Биомедицину сейчас можно назвать областью для самых смелых футуристических проектов. Но с какой бы скоростью ни развивались технологии, права человека, сформулированные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, остаются константой. Вневременной и не зависящий от каких-либо обстоятельств характер прав человека как раз в том и проявляется, что эти права могут мирно сосуществовать с возможностями, открываемыми наукой и технологиями, даже несмотря на то, что такие возможности могут значительно модифицировать самого человека. В то же время очевидно, что нужно использовать все доступные организационные инструменты для урегулирования процедурных вопросов: образовывать профильные комитеты, комиссии, работающие над тем, чтобы суды применяли над-

лежащие подходы в спорных биоэтических вопросах.

На мой взгляд, проблема заключается в том, как контролировать сам ход развития биомедицины, а также те подчас революционные достижения, которые мы уже получили в свое распоряжение, но еще не очень понимаем, каким образом они могут быть безболезненно внедрены в обычную жизнь людей. Нет сомнений в том, что наука и технологии продолжают генерировать и ставить перед правом и судами сложные задачи, включая вопросы, связанные с концом человеческой жизни. Как контролировать и учитывать все нюансы в основных законах государств и государственных образований, например в Конституции Европейского Союза? Этот вопрос еще ждет своего ответа.

Какие изменения могли бы быть внесены в Конституцию ЕС в отношении биоэтики?

Я не уверен, что нужно менять Конституцию именно сейчас. Однако следует иметь в виду то, что такая необходимость может возникнуть в будущем: с учетом скорости технологических открытий, правовые формулы должны разрабатываться уже сегодня. Пока что перед нами скорее стоят вопросы о том, как соединять существующие этические ценности в меняющемся жизненном контексте и как эти ценности будут меняться впоследствии. Мы же все понимаем, что в настоящее время происходят процессы, о которых никто не думал и даже не мог подумать еще 50 лет назад. А что будет еще через 50 лет? Конечно, Европейский Суд при рассмотрении дел, связанных с биомедициной, учитывает культурные, исторические и социальные традиции, базовые подходы, сформировавшиеся в европейском обществе в целом и в обществе конкретного государства-ответчика в частности. Ведь содержание даже такого базового понятия, как «человеческое достоинство», весьма различается в различных странах.

Наглядный пример — эвтаназия, отношение к которой меняется в зависимости от национальной право-

вой системы. Очень трудно найти баланс между правом на жизнь и правом на уважение частной жизни и личной автономии. Поиск такого баланса уже относится к сфере усмотрения национальных судов и законодательства. Другой пример — самоидентификация человека. У каждого есть право знать своих биологических родителей, которое в настоящее время реализуется при помощи генетического тестирования. Но одновременно это право сталкивается с правом на приватность. Сейчас эта коллизия разрешается в судебном порядке, но станет ли она предметом регулирования в конституционных нормах — покажет время.

В последние годы все более актуальным становится вопрос о защите персональных данных, полученных в результате медицинских исследований. На что здесь следует обратить внимание, по Вашему мнению?

Европейским Судом коммуницировано несколько жалоб, связанных с особенностями хранения и распространения информации, полученной в результате применения медицинских технологий. Но останавливаться на них подробно я пока что не вправе, поскольку Суду только предстоит рассмотреть эти дела. Скажу только, что они связаны с особенностями хра-

нения телекоммуникационных баз данных. Если же говорить в общих чертах, то надо признать, что информационные технологии по скорости развития идут в ногу с биомедициной, это еще одна активно развивающаяся сфера. Поэтому здесь следует в первую очередь разобраться, насколько государство правомочно хранить информацию, а также как долго, при каких условиях и какую конкретно информацию следует хранить. Немаловажно определить и то, какие третьи лица и на каких условиях будут иметь к ней доступ.

Спасибо большое за интервью. ■